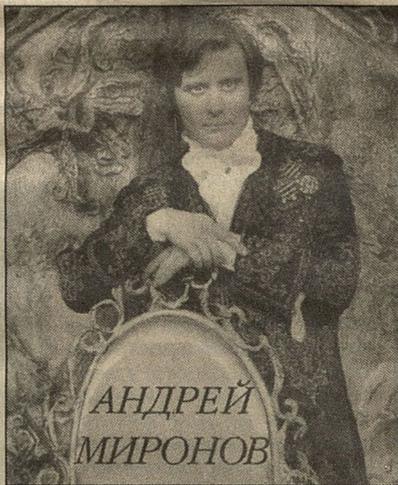

Бессмертная роль

Э тот голос не спутаешь ни с каким другим не только по тембру, но, особенно, по интонациям, способности в нюансировках передать как собственное настроение, так и отношение к тому, о чем поет артист. Ирония, сарказм, легкое пренебрежение, сочувствие, восторг - это не только слышишь в голосе певца, но, кажется, видишь его лицо - лукавую улыбку, прищур глаз, удивленно поднятые брови. Андрей Миронов. Андрюша, как ласково называли его не одни близкие, а и бесчисленные почитатели. Идут годы, мы стареем, а он, ушедший в расцвете сил, остается по-прежнему молодым и по-прежнему популярным и любимым.

В 1991 году вышла книжка воспоминаний об артисте. Она недолго лежала на прилавках. Тираж в 50000 экземпляров через три месяца уже был библиографической редкостью, спрос на которую со временем только возрастал. Под Новый, 1999 год вышло второе издание книги «Андрей Миронов» с некоторыми изменениями в содержании (редактор-составитель Б.М. Поуровский), новым иллюстративным материалом, в прекрасном художественном оформлении М.Г. Егизаровой.

Трогательные семейные фотографии маленького Андрюши с мамой, папой, школьными товарищами, его детский рисунок Красной площади, письма отца к

сыннишке открывают книгу. А уже потом идет поэтическое предисловие Роберта Рождественского и, собственно, сам сборник воспоминаний близких, друзей, товарищей по сцене. В нем нашлось место и творческим портретам артиста в лучших его театральных ролях - Хлестаков, Чацкий, Дон Жуан, Фигаро, Лопухин, Жадов, Баян, Клаверов, его работам в кино и на телевидении, приведены отрывки из писем, посланных Миронову поклонниками его таланта из ближних и самых отдаленных уголков тогда еще необъятного СССР. И снова портреты, портреты, портреты - в ролях и в жизни, наглядно демонстрирующие великий дар перевоплощения мастера.

На цветной обложке А. Миронов в роли Фигаро, той самой роли, которую он не успел доиграть на гастролях в Риге, пошатнувшись и упав на руки подскочившего Александра Ширвиндта - графа Альмавивы - за несколько минут до финала спектакля. Было лето 1987 года. Критик Михаил Швыдкой, подробно проанализировавший эту работу артиста, сказал, что «Андрей Миронов был словно рожден для Фигаро. Он получил по праву премьеры бессмертную роль в бессмертной пьесе...» Я не суеверный человек, но в этом трагическом финальном аккорде блестящей актерской судьбы есть что-то мистическое. И когда вглядываешься в лицо артиста на обложке книги, в эти чистые голубые глаза, смотрящие как бы сквозь время, в бесконечность, понимаешь, что Андрей Миронов был не просто великий талант, он был актер-философ, мудрец, прятавший зачастую за личиной веселой беззаботности одному ему известную тайну своих ролей.

Изданную «Центрополиграфом» книгу интересно не только читать, но и просто листать, открывая для себя бесконечную многоликость этого уникального таланта. Вот только жаль, что изданная 10-тысячным тиражом, она уже через три дня снова стала библиографической редкостью.

Наталья БАЛАШОВА.

Моск. правда. - 1999. - 26 янв. - С. 5